

УДК 811.161.1.0 (176)

КОНЦЕПТ «Я» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТРАВЕСТИЙНЫХ ТЕКСТАХ

В.В. Кузьмич,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,

г. Мозырь, Республика Беларусь

E-mail: wowency@yandex.ru

В статье рассматриваются дискурсивные аспекты травестийных текстов. В центре внимания находится концепт «Я». В исследовании применялась совокупность методов и исследовательских приёмов описательного характера. Ведущим среди них является метод концептологического анализа, который опирается на методы дефиниционного, компонентного, контекстологического анализа, а также на функционально-семантический метод, заключающийся в определении особенностей семантики слова с учетом выполняемой им роли в авторском тексте. Методом исследования репрезентации **травестийных** концептов является дискурсивный анализ пародийных текстов, в ходе которого выявляются аллюзии и реминисценции, составляющие коммуникативную номинацию травестийного текста. Выявлена и описана травестийная репрезентация концепта «Я» на примере пародий на нескольких авторов. Делается вывод о том, что травестирование концептов способно служить одной из форм литературной критики, позволяет лучше понять многие аспекты творчества писателей.

Ключевые слова: дескрипторы языковой личности, травестия, концепт, коммуникативная номинация.

THE CONCEPT OF "I" AND ITS REPRESENTATION IN TRAVESTY TEXTS

V.V. Kuzmich,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,

Mozyr, Republic of Belarus

E-mail wowency@yandex.ru

The article deals with the discursive aspects of travesty texts. The focus is on the concept of "I". The study used a set of methods and research techniques of a descriptive nature. The leading among them is the method of conceptual analysis, which is based on the methods of definitional, component, contextual analysis, as well as on the functional-semantic method, which consists in determining the features of the semantics of a word, taking into account the role it plays in the author's text. The method of studying the representation of travesty concepts is a discursive analysis of parody texts, during which allusions and reminiscences that make up the communicative nomination of a travesty text are revealed. The travesty representation of the concept "I" is identified and described on the example of parodies of several authors. It is concluded that the concept travesting can serve as one of the forms of literary criticism, allows you to better understand many aspects of creativity

Что значит «Я»? Я бывают разные
(А. А. Милн в переводе Б. Заходера)

Введение

Тексты литературных пародий относятся к наиболее семиотически усложненным, поскольку требуют от реципиента значительных интеллектуальных усилий для декодирования. Это процесс, связанный с выявлением так называемой коммуникативной номинации (КН). Осуществляется он в результате постижения реципиентом ряда коммуникативных подноминаций [4].

Методы и материал исследования

В исследовании применялась совокупность методов и исследовательских приёмов описательного характера. Ведущим среди них является метод концептологического анализа, который опирается на методы дефиниционного, компонентного, контекстологического анализа, а также на функционально-семантический метод, заключающийся в определении особенностей семантики слова с учетом выполняемой им роли в авторском тексте. Методом исследования репрезентации **травестийных** концептов является дискурсивный анализ пародийных текстов, в ходе которого выявляются аллюзии и реминисценции, составляющие коммуникативную номинацию травестийного текста. Материал исследования – тексты литературных пародий, представленные в сборнике пародий [2].

Результаты и их обсуждение

Еще в середине XIX века группа литераторов создала пародийный образ писателя Козьмы Пруtkова. В тексте, принадлежащем якобы реальному писателю «Честолубие», в качестве коммуникативных подноминаций используется длинный перечень качеств, ассоциирующихся с именами великих людей прошлого: сила Самсона, ум Сократа, легкие Клеона, красноречие Цицерона, злость Ювенала и т. д. После получения всех этих замечательных качеств поэт собирается украсть из тьмы « имя славное Пруtkова, имя громкое Козьмы».

Общий смысл (коммуникативная номинация) этого травестийного текста сводится к тому, что имя Козьмы Пруtkова объединяет в себе все лучшие качества великих людей прошлого.

Другая пародия К. Пруtkова называется «Мой портрет»: *Когда в толпе ты встретишь человека, который наг, чей лоб туманнее Казбека, неровен шаг...*

Хотя совокупный автор, известный под именем Козьмы Пруtkова, прямо указывал, что это пародия на конкретное стихотворение поэта Евгения Боратынского «Когда взойдет денница золотая...», многие считают, что это портрет самого Козьмы Пруtkова. Эта пародия в 70-е годы XX века даже входила в школьную хрестоматию по русской литературе. То, что это пародия, ясно даже и без специального уведомления авторов. Так, для строчки « который наг», предлагается вариант: « На моем фрак».

Известно, что «ячество» никогда не считалось положительным качеством в менталитете славянских народов, что отражено в известной фразе «Я – последняя буква алфавита».

Через 50 лет Игорь Северянин написал стихотворение, которое можно считать автопародией: *Я гений Игорь Северянин, своей победой упоён, Я повсеградно оэкрашен, Я повсесердно утверждён! Я покорил литературу, Взорлил, гремящий на престол! И т. д.*

Через 100 лет после Козьмы Пруткова поэт Евгений Евтушенко написал стихотворение – манифест «Я разный...»:

Я разный, я натруженный и праздный. Я целе- и нецелесообразный. Я весь несовместимый, неудобный, застенчивый и наглый, злой и добрый...

Такое «ячество» не могло пройти мимо внимания критики, тем более, что поэту на тот момент исполнилось только 23 года. Одной из форм такой критики был целый вал пародий на это стихотворение.

Пародист А. Иванов в пародии «Снеги и я» удачно травестировал эту черту творчества Е. Евтушенко:

*Идут белые снеги, а по-русски снега. Это значит, на свете наступила зима...
Весь от гордости синий, осознал я в борьбе, что любил я Россию, как искусство в себе.
И ещё (уж простите) понимаю скорбя, что любил я в России большей частью себя.*

Претекстом для автора пародии послужил каркас стихотворения «Идут белые снеги». В качестве коммуникативных подноминаций А. Иванов использует как прямые текстовые включения из исходного текста Е. Евтушенко, так и различные аллюзии и реминисценции: любить искусство в себе, а не себя в искусстве, образ Степана Разина с намеком на искусственность такого включения. В настоящем стихотворении у Евтушенко: *Дух её пятистенков, дух её сосняков, её Пушкина, Стеньку и её стариков.* Пародист травестирует этот образ, используя лобовую рифму: *вот гляжу я на стенку, нет на ней ничего, вспоминаю я Стеньку ни с того ни с сего.*

С одной стороны, этот упрек пародиста справедлив, потому что у Евтушенко часто встречаются подобные рифмы, подобранные по случайному созвучию: «*Я вспоминаю Тыко Вылку и как держал свою он вилку...*». С другой стороны, образ Степана Разина не раз использовался поэтом. В поэме «Братская ГЭС» ему посвящена целая глава.

На это же стихотворение Владлен Бахнов в рамках своего цикла «Белеет парус одинокий» написал известную пародию, которую он так и назвал: Я.

Я парус, море я в тумане голубом. / Я сам в себе белею одиноко, / Я сам себя ищу в стране далёкой / и кинул сам себя в краю родном. / Ах, я волна, играю я водою, / и, изменяясь десять раз на дню, / Я ветер, гнущий мачту над волною, / и мачта я, и сам себя я гну. / Я разный, я такой многообразный... / Я разный, я такой многообразный, / и расплываясь в разные края, / Я не бегу от счастья понапрасну, / поскольку счастье – это тоже я...

Коммуникативная номинация данной пародии фактически совпадает с пародией А. Иванова. При различной форме реализации КПН главный посыл обеих пародий состоит в высмеивании эгоцентризма поэта. Используя внешний антураж стихотворения Лермонтова с его ключевыми словами, пародист умело травестирует общий смысл текста, подводя реципиента пародии к главной мысли: *Прошу я только бури Аплодисментов. В этом мой покой.* Неожиданный анжабеман с переносом слова «Аплодисментов» подчеркивает мысль, ради которой и была написана пародия.

Как известно, чтобы текст пародии был успешно декодирован реципиентами, автор пародии просто обязан максимально полно отражать дескрипторы языковой личности травестируемого автора. В литературной пародии это может напоминать дружеский шарж, но иногда пародист достаточно нелицеприятно относится к негативным, по его мнению, качествам травестируемого автора. Так, в цикле пародий «Таганка-75» актер и поэт Леонид Филатов отразил такую черту текстов Евтушенко, как амикошонство, стремление быть со всеми «на дружеской ноге». Эту его черту отразил пародист А. Иванов в пародии, которую он назвал «Панибратская ГЭС». Однако сам поэт достаточно спокойно отнесся

к такой критике. В. И. Новиков приводит такой отзыв Е. А. Евтушенко об этой пародии: «Иванов написал обо мне хлесткую, весьма неллицеприятную, но обворожительную пародию с колючим остроумным названием «Панибратская ГЭС». Зачем же опускаться до глупости, обиды? Умный противник полезнее дурака – обожателя» [3, с. 509].

Евтушенко часто подчеркивал свою известность во всем мире, как среди простых людей, так и среди сильных мира сего. В своей автобиографии он писал: «Негр не приближался к нам, а надвигался на нас. Негр уже не шел, а бежал, раскинув руки для объятий, и из его уст вырвалось задыхающееся: «Эв-ту-ченко» [1, с. 8].

В пародии Л. Филатов перечисляет людей разных национальностей, которые как бы приняли непосредственное участие в жизни пародируемого поэта:

Мне говорил портовый грузчик Джо, подпольный лидер левого движенья: Я плохо понимаю по-русски, Женя, но знаю, что Таганка – хорошо». Потягивая свой аперитив, мне говорил знакомый мафиозо: Таганка, Женя, это грандиозно! Мадонна, мне бы этот коллектив... О том же, сохраняя должный пыл, мне говорили косвенно прямо – Рабиндранат Тагор и Далай-лама, и шашинишах... фамилию забыл.

Коммуникативная номинация и общий посыл текста данной пародии вовсе не сводится к обличению именно Евтушенко, поскольку написана к юбилею театра на Таганке, но использование особенностей языковой личности знаменитого поэта позволяет глубже раскрыть смысл травестийного текста.

Выводы

Таким образом, травестирование концептов текста позволяет автору пародии выполнить роль своеобразного критика, выявить и рельефно показать в гиперболизированном виде черты (дескрипторы) языковой личности пародируемого автора.

Литература

1. Евтушенко, Е. А. Волчий паспорт / Е. А. Евтушенко М, Вагриус, 1998. – 573с.
2. Советская литературная пародия : в 2-х т. / сост., вступ. ст. и коммент. Б. М. Сарнова. – М., Советский писатель, 1988. – 732 с.
3. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М. : Советский писатель, 1989. – 538 с.
4. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику / Л. В. Сахарный. – Л. : ЛГУ. – 1989. – 179 с.

References

1. Evtushenko, E. A. (1998). *Volchiy passport* [Wolf's passport]. – Moskow : Soviet writer (In Russ).
2. *Sovetskaya literaturnaja parodiya* (1998) [Soviet literary parody]. Moscow : Academy (In Russ).
3. Novikov, V. I. (1989). *Kniga o parodii* [A book about parody]. – M. : Soviet writer (In Russ).
4. Sakharny, L.V. (1989). *Vvedeniye v psicholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. – Leningrad : LSU (In Russ).